

УДК 316.1

КОНЦЕПЦИЯ АНОМИИ Э. ДЮРКГЕЙМА И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Кавецкий Святослав Тихонович – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (Беларусь)

Статья посвящена понятию аномии, введенному в научный оборот французским социологом Э. Дюркгеймом. Рассматривается генезис и функционирование современных аномалий: девиантное (отклоняющееся) поведение, отчуждение и др. Дается определение аномии, которое включает в себя базовую основу от Э. Дюркгейма, социально-философскую, социально-психологическую, социокультурную и социально-правовую составляющие. Анализируются трансформационные общества постсоветского пространства, обозначены социальные последствия их транзитивности. Подробно проанализировано на основе данных конкретно-социологических исследований аномальное поле Республики Беларусь. Подчеркивается, что выход из аномического состояния – это в первую очередь достижение устойчивого и динамического развития общества.

Ключевые слова: аномия, социальная солидарность, девиантное поведение, самоубийство, трансформационное общество.

Стаття присвячена поняттю аномії, яке в науковий обіг ввів французький соціолог Е. Дюркгейм. Розглядається генезис і функціонування сучасних аномалій: девіантна поведінка, відчуження та ін. Дається визначення аномії, що включає в себе базову основу від Е. Дюркгейма, соціально-філософську, соціально-психологічну, соціокультурну і соціально-правову складові. Аналізуються трансформаційні суспільства пострадянського простору, позначені соціальні наслідки їхньої транзитивності. Детально проаналізовано на основі даних конкретно-соціологічних досліджень аномальне поле Республіки Білорусь. Підкреслюється, що вихід з аномічного стану – це в першу чергу досягнення стійкого і динамічного розвитку суспільства.

Ключові слова: аномія, соціальна солідарність, девіантна поведінка, самогубство, трансформаційне суспільство.

The article is dedicated to the concept of anomie, that was introduced into scientific turnover by French sociologist E. Durkheim. It discusses genesis and functioning today's anomalies: deviant behavior, alienation, etc. It includes analysis of the transitional societies in post-Soviet countries, social implications of their transition are described. The article contains a detailed analysis of the Belarusian anomaly field which involves the use of findings obtained in the course of sociological case studies. The concept of anomie is defined. The definition makes use of E. Durkheim's basic framework, as well as the socio-philosophic, socio-psychological, socio-cultural, and socio-legal component. It is emphasized that to overcome the anomic state the society needs to first achieve sustainable dynamic development.

Keywords: anomie, social solidarity, deviant behavior, suicide, transformational society.

В 2013 году мировая социологическая общественность отметила 155-летие со дня рождения великого французского социолога Э. Дюркгейма. Интерес к творчеству классика мировой социологии не ослабевает. Так на Всемирном социологическом конгрессе 2010 года в Гетеборге творчеству Э. Дюркгейма было посвящено 15 докладов [1, с. 16]. С течением времени его методологические и концептуальные наработки получают новые импульсы и становятся основой для изучения современных общественных аномалий.

Целью данной публикации является описание эвристических возможностей концепции аномии при исследовании обществ постсоветского пространства.

Эмиль Дюркгейм как один из создателей социологии. Из источников дюркгеймовской социологии создал социологию, которая была разновидностью позитивистской, хотя, как отмечает Хьюз, ее позитивизм был «умеренным и утонченным» [2, с. 282]. Как пишет польский социолог Е. Шацки, он не «оспаривал в целом философии науки своих предшественников, но соединял программу исследования

общества как реальности *sui generis* с убеждением, что способ этого исследования должен соответствовать стандартам, установленным естественными науками. Даже подчеркивая «духовный» характер общественных явлений, он перенимает от своих предшественников органицизм, которому благоприятствовало в его случае убеждение, что общественная реальность по своей сути является надличностной» [3, с. 392].

Для обозначения именно этого основополагающего принципа теории Дюркгейма служит термин «социологизм», основной принцип которого выражен в формуле: «Социальные факты нужно рассматривать как вещи» [4, с. 421].

Важнейшей операциональной идеей для аргументации этого принципа была идея социальной солидарности, причем с различением двух форм солидарности, именуемых им механической и органической. Механическая солидарность – это солидарность вследствие сходства индивидов: «Будучи членами одного и того же коллектива, они похожи друг на друга, потому что испытывают одинаковые чувства, привержены одинаковым ценностям, признают одно и то же священным» [5, с. 316]. В то же время органическая солидарность, рождается вследствие дифференциации или объясняется ею. «Индивиды здесь не походят друг на друга; они различны, и в определенной мере именно потому, что они различны, достигается консенсус» [5, с. 316].

Причиной разделения труда Дюркгейм считал рост народонаселения, обуславливающий интенсивность социальной жизни, возрастание «физической плотности» объема общества [4, с. 117].

Нормальному состоянию общества соответствует «разделение труда как нормальное явление» [4, с. 328], характеризующееся нормативной регуляцией труда и развитым экономическим планированием. Но разделение труда имеет и патологические формы, которые необходимо анализировать: «С первым случаем этого рода мы сталкиваемся в промышленных или торговых кризисах, банкротствах, являющихся частичными нарушениями органической солидарности» [4, с. 329]; вторая форма – «антагонизм труда и капитала, еще более яркий пример того же явления» [4, с. 329]; третья форма – это «наука, разорванная на множество детальных, но не соединенных между собой исследований, не образует уже единого целого» [4, с. 331]. Противостояние этим формам в первую очередь зависит от деятельности государства и правительства.

В III разделе книги «О разделении общественного труда», которая называется «Аномальные формы», Э. Дюркгейм на конкретных примерах анализирует разделение труда как источник солидарности общественного развития и его антиподов: «Разделение труда во всех этих случаях не производит солидарность потому, что отношения органов не регламентируются, потому что они находятся в состоянии *аномии*» [4, с. 342]. Далее он пишет: «Но откуда берется солидарность? Так как совокупность правил есть определенная форма, которую со временем принимают отношения, устанавливающиеся стихийно между социальными функциями, то можно сказать а priori, что *состояние аномии* невозможно повсюду, где солидарные органы, находятся в достаточно тесном и продолжительном соприкосновении» [4, с. 342]. В приведенной цитате, по всей видимости, впервые Дюркгейм связывает *аномию* и *солидарность*.

Другой пример социологической концептуализации и операционализации аномии Дюркгейм дает в книге «Самоубийство» [6], в которой он на массивном эмпирическом материале показывает, что сокращение аномических самоубийств проявляется в период значительных политических событий, во время революций и войн, причем кроме экономической аномии, в период кризисов существует также домашняя аномия, которую Э. Дюркгейм связывает с браками, разводами, смертью близких людей. Он статистически выявляет, что частота самоубийств соразмерна числу разводов: «Разведенный мужчина более подвержен опасности самоубийства, чем женщина» [6, с. 335], а «результативность» домашней аномии возрастает в результате смерти одного из супругов. Расстройство семейного очага тяжело отзывается на том, кому приходится пережить своего спутника. Он не может приспособиться к своему новому одинокому положению, и соблазн самоубийства легче увлекает его» [6, с. 304].

Таким образом, Э. Дюркгейм, разрабатывая ключевые понятия своей социологической теории, поставил вопрос об аномическом состоянии общества. Концепция аномии разрабатывалась французским ученым на протяжении всей его творческой деятельности сквозь призму системного анализа таких понятий, как социальная солидарность, разделение труда, социальный факт, самоубийство», причем автор подчеркивал, что аномия в большей степени характерна для переходных и кризисных периодов и состояний в развитии общества.

Вслед за Дюркгеймом многие ученые стремились разработать методологическую основу изучения состояний индивидов и сообществ, вынужденных пребывать в аномичном обществе. Из множества исследований проблемы выделяется подход Р. Мертона.

Американский социолог утверждает, что аномия есть результат несогласованности, конфликта между разными элементами ценностно-нормативной системы общества, и возникает тогда, когда люди не могут достичь предложенным им обществом целей «нормальными», этим же обществом установленными средствами. «С одной стороны, от него требуют, чтобы он ориентировал своё поведение в направлении накопления богатства, а с другой – ему почти не дают возможность сделать это институциональным способом» [7, с. 258].

Специфика постсоветского общества, если анализировать его в контексте мертоновской теории, состоит в том, что оно, пребывая уже достаточно долго в процессах трансформации, не может не испытывать напряжение. Примером этому может быть ориентация на общие потребительские стандарты, которые свойственны любому обществу, основанному на рыночных механизмах, при затрудненности или даже невозможности реализации этих стандартов.

Аномия с национальной спецификой была не только у обществ бывшего СССР, но и в бывшем социалистическом лагере Восточной Европы. Так, П. Штомпка говорит о концепции «социальной травмы», позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в условиях «рыночной трансформации при углублении демократических преобразований» [10, с. 10]. Эта концепция возникла в конкретной ситуации 1990–2001 гг., поскольку в Польше уклад жизни широких слоев населения менялся быстрее и резче, чем на пространстве экс-СССР.

Анализируя трансформации в Польше, важно учитывать феномен религии, стоит прислушаться к мнению Е. Шацки, который, комментируя Э. Дюркгейма, пишет, что «доходчивость и вечность религии в той или иной форме возникает от того, что индивидуум, лишенный моральной поддержки в обществе теряет способность и возможности к нормальной жизни, а общество, неспособное к установлению контроля и опеки, стоит на грани распада. Такое состояние Дюркгейм называл аномией» [3, с. 390].

Важно отметить, что на протяжении последюркгеймовского развития концепции аномии само определение этого понятия совершенствовалось, однако все его оттенки не нашли своего отражения в этих определениях.

Определение аномии должно быть всеобъемлющим и включать, по нашему мнению, в себя базовую основу от Э. Дюркгейма, социально-философскую, социально-психологическую, социокультурную и социально-правовую составляющие. *Аномию мы предлагаем определять как состояние общественного сознания, обусловленное кризисом или трансформацией общества, противоречие между провозглашенными целями и невозможностью их реализовать, что приводит к игнорированию социально-правовых и социокультурных норм, к девиации и социальным отклонениям* [11, с. 133].

Еще один феномен трансформационного периода на рубеже XX–XXI веков выявил РАН Ж. Т. Тощенко, который, основываясь на анализе ситуации в России, показал, что парадоксальное сознание стало частью современной жизни. Суть этого феномена в том, что как общественные институты, так и отдельные личности декларируют одни цели и жизненные ориентиры, а на деле осуществляют иные, иногда прямо противоположные [12, с. 91]. При этом оказывается, что публично провозглашаемые лозунги, опровергаются практикой повседневной жизни. В настоящее время, пишет Ж. Тощенко, все чаще приходится встречаться с новым классом парадоксов, когда люди неосознанно, не по злему умыслу олицетворяют удивительнейший феномен – в одном и том же человеке одновременно уживаются противоположные, а иногда взаимоисключающие друг друга оценки, установки, ориентиры и намерения. Человек как бы бежит сам от себя и от общества в одно и то же время и прямо противоположных направлениях» [13, с. 55].

Этот феномен подтверждается в исследованиях белорусских социологов А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана, Л. Г. Титаренко и др. Общее состояние морального сознания белорусов, судя по опросам, остается весьма неопределенным. Традиционные моральные представления сдали свои позиции, а стабильные новые моральные нормы и отношения, адекватные современному либерально-демократическому типу общества, не сформировались. Между тем для устойчивого нравственного развития общества требуется достаточная ясность. Мы полагаем, что господствующие ныне противоречивые ценности не только во многом предопределяют социокультурные типы отношений белорусских граждан к происходящим политическим и экономическим процессам, но и позволяют прогнозировать противоречивые перспективы будущего развития республики» [14, с. 104].

Если рассматривать аномические составляющие белорусской социальной жизни, то они в разной степени охватывают все стороны. В экономике после распада СССР разрушились хозяйственные связи, дефолт российского рубля в 1998 году пагубно повлиял на экономику союзной страны, цены на нефть и газ постепенно движутся к мировым, планетарный финансовый кризис 2008 года и, наконец, валютный катаклизм в Беларуси 2011 года, снизивший планку средней зарплаты с 500 долларов в январе до 200 в октябре, – все эти потрясения влияли и влияют на «смешанную» экономику Беларуси, где преобладающим является государственно-капиталистическая форма собственности.

Весьма характерной является ситуация в сфере свободного времени. Если в социалистическом измерении пропагандировался лозунг К. Маркса «Свободное время – общественное богатство», то современная действительность диктует гражданам Республики Беларусь иную ценность: «Время, которое у нас есть, – это деньги, которых у нас нет». Примером трансформаций в этой сфере является поездки за границу, ставшие возможными с конца 80-х годов в Беларуси. Среди опрошенных белорусов больше всего было за рубежом жителей г. Минска, Гродненской и Брестской областей¹. Среди тех, кто бывал за рубежом, по работе там были 11,1%, для туризма – 20,4%, с целью бизнеса – 63,7%, с иными целями – 4,5%. При этом вольно или невольно приходилось нарушать таможенные правила Республики Беларусь, Польши, Германии, Украины, стран Балтии 52,5% респондентов. Больше всего нарушителей из Гродненской и Брестской областей.

Эти тенденции продолжают существовать с приливами и отливами и в начале XXI века. Сравнительное социологическое исследование, проведенное в феврале 2005 года в г. Бресте, дает возможность рассмотреть причины и следствия поездок за границу. Если в 1997 году в течение 3-х последних лет за границей было 62,5% опрошенных брестчан, то в 2005 году – 34,5%², причем 1) по работе – (1997 – 7,5%, 2005 – 19,4%), 2) для туризма (1997 – 17,5%, 2005 – 34,4%), 3) с целью бизнеса (1997 – 72,5%, 2005 – 45,2%), 4) с другими целями (1997 – 7,5%, 2005 – 2%). При этом правила пересечения границы нарушали в 1997 – 75%, в 2005 – 57%. Таким образом, структура поездок практически не изменилась, зато произошли изменения целей зарубежных поездок, а именно увеличилось на 11,9% количество пересечений по работе (то есть расширились деловые связи), изменился объем научных контактов, культурного и спортивного сотрудничества и т. д.: туристические поездки и путешествия увеличились на 16,9%. Уменьшилось количество таможенных нарушений на 18% при пересечении границы (по утверждениям респондентов), при этом данное нарушение в процентном отношении весьма велико (57%). Это, в первую очередь, связано с тем, что «экономический туризм» хотя и снизился на 27,3%, однако существует, поскольку г. Брест и область имеют границы с Польшей и Украиной; во-вторых, экономический фактор по-прежнему довлеет над брестчанами; в-третьих, за десять лет, прошедших с момента исследования, неоднократно менялись правовые, визовые, таможенные правила, часто противоречащие друг другу.

Таким образом, можно увидеть, с одной стороны, такое состояние общества, в котором заметная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно, с другой стороны, – можно вести речь о неустойчивости, расплывчатости и противоречивости нормативных предписаний (и не только таможенных). Люди приспособляются к состоянию аномии разными индивидуальными способами: либо конформизмом, то есть подчиняющимся поведением, что характерно для нашей «пресловутой толерантности», либо отклоняющимся поведением (наркомания во всех ее проявлениях, бюрократия, уход от мира, забастовки, голодовки, мелкое воровство, экономический туризм и т. д.). При этом парадоксально: человек чувствует себя более защищенным и свободным в жесткой закрытой системе с малым выбором занятий и ограниченными возможностями социального продвижения, чем в условиях неопределенности, в подвижной открытой системе с универсальными нормами, формально равными для всех.

Таким образом, переход от «реального социализма» к смешанному обществу в 90 годы XX и начале XXI веков на постсоциалистическом пространстве сопровождается (в той или иной степени) аномическим состоянием общества.

¹ Общенациональное исследование 1997 года в Республике Беларусь (объем выборочной совокупности 1030 респондентов, руководитель С. Т. Кавецкий).

² Региональное исследование 2005 г. В Республике Беларусь (объем выборочной совокупности 300 респондентов), руководитель С.Т. Кавецкий

В XIX веке Э. Дюркгейм искал выход из аномии в новой идеологии, в новых социально-профессиональных группах. В современном белорусском обществе если обратиться к идеям Е. Бабосова, аномическое поведение индивидов и их групп существенно возрастает в тех случаях, когда в обществе превозносятся определенные стандарты поведения и символы успеха, а существующие социально-экономические, политические и социокультурные условия, социальная культура общества резко ограничивает возможности достижения прогнозируемых эталонов успеха для значительной части населения. Основная предпосылка формирования целостной неаномической личности – гармонизация стремлений, интересов и действий различных индивидов, социальных групп и общностей, достижение устойчивого и динамического развития общества [15, с. 20]. Глубокий анализ социально-экономической ситуации в Беларуси с позиции «культурной травмы», сделанный Г. Н. Соколовой позволил ей сделать вывод, что эволюционные «изменения в белорусском обществе стабилизируют травматическую ситуацию, но не создают достаточных «вызовов» для адекватных «ответов» со стороны населения» [20, с. 33]. В этой ситуации важно прислушаться к мыслям Р. Дарендорфа: «Осознание беспорядков, сеяние смуты, неопределенности – это уже достаточно плохо. Но еще большая опасность заключена в другом. Состояние аномии не может длиться долго. Это приглашение узурпаторам, желающим навязать обществу ложное ощущение порядка. Либералы ненавидят в защитниках «закона и порядка» именно то, что сами провоцируют отсутствием четкого осознания необходимости социальных институтов. Опасность аномии – тирания, в каком бы обличье она не явилась» [21, с.242].

Таким образом, степень аномичности постсоветского и современного белорусского общества остается высокой. Элементы аномии можно обнаружить в экономике, социально- политической и социокультурной областях. Важно, чтобы эти элементы не захлестнули страну и не создавали почву для катаклизмов.

Литература:

1. Кравченко С. А. Социология в движении к взаимодействию теоретико –методологических подходов./ С.А.Кравченко / Социс. – 2011. – №1 – с.11-18.
2. Henry Stuart Hughes, *Consciousness and Society. The Reorientation of European Social Thought 1890-1930*, Нью-Йорк. – 1961 – с.583.
3. Szacki J. *Historia myśli socjologicznej*. Wydanie nowe (6 dodruk) Warszawa PWN. – 2002. – S. 321.
4. Дюркгейм Э.О разделении общественного труда. Метод социологии / [пер. с фр. и послесловие А. Б. Гофмана]. – М. : Наука, 1990. – С. 575.
5. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М. : «Прогресс», 1993. – 495с.
6. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Эмиль Дюркгейм/ [пер. с фр.] изд. подгот. В. А. Луков. – СПб. : Союз, 1998. – 496 с.
7. Бабосов Е. М. Прикладная социология / Е. М. Бабосов. – Минск: «ТетраСистемс. – 2000. – 496с.
8. Бабосов Е. М. Социология катастроф / Е. М. Бабосов// Социс. – 1998. –№4 – с.19 –25.
9. Кривошеев В. В. Особенности аномии в современном российском обществе /В.Кривошеев // Социс. – 2004. – №3. – с.93 –97.
10. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / П. Штомпка // Социс. – 2001. – №3. – с. 3
11. Кавецкий С. Т. Э. Дюркгейм о социальной солидарности и аномии / С. Т. Кавецкий // Социс. – 2013. – № 5 – с. 129-133.
12. Данилов А. Н. Критика и библиография / Данилов А. Н. // Социология. – 2001. – № 4. – с. 91-9.
13. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек – М. : «Гардарики», 2001. – 398с. 14.Титаренко Л. Г. «Парадоксальный белорус»: противоречия массового сознания / Титаренко Л. Г. // Социология. – 2003. – №3. – с. 96-107.
15. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. [Электронный ресурс]: Данные переписи Республики Беларусь 2009г. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by>.
16. Соколова Г. Н. Социально-экономическая ситуация в Беларуси с позиции «культурной травмы» / Г. Н. Соколова // Социс. – 2010. – №3. – с. 33.
17. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт /Ральф Дарендорф // [пер. с нем.] М. : Иностранная литература. – 1993. – № 4. –с. 236-242.